

И. ШЕПТУНОВ

Восток лишь начинает алеть, а над городом уже несутся протяжные мелодичные возгласы: «Аллах акбар! Аллах акбар!» Это муэдзины приглашают правоверных на молитву. Долгое время иностранец не может привыкнуть к этим звукам и просыпается, когда нет еще и пяти часов утра. Улицы Кабула в это время тихи. Фонари горят лишь на перекрестках и около крупных магазинов. Безлюдно.

Первыми в городе открываются бани. Около них оживление. Многие мусульмане пришли сюда совершить омовение перед молитвой. В предрассветном сумраке к городу тянутся вереницы осликов, караваны верблюдов, нагруженных овощами, фруктами, мясом и прочей снедью. Их хозяева торопятся доставить груз и вернуться обратно до восьми часов утра. Позднее верблюдам и осликам появляться в центре Кабула запрещено.

Рассветает. На улицы вышли подметальщики в ярких голубых куртках, шароварах и такого же цвета широкополых шляпах, напоминающих испанские сомбреро. У водоразборных колонок еще в темноте в ожидании, когда пустят воду, скопилась очередь. Теперь она понемногу рассасывается. С наполненными водой бурдюками и ведрами, чайниками и бидонами горожане идут домой. Это пагманская вода — вода с Пагманских гор, свежая и душистая. Говорят, что она целебна. Днем, когда к водопроводной сети подключается Шахреноу — Новый город, этой воды не хватает.

Река Кабул делит афганскую столицу на две части. Новый город расположился на левом берегу. Здесь

широкие, чистые асфальтированные улицы. Над минаретами из них деревья смыкают свои кроны, и даже в самую сильную жару тут бывает прохладно. В Шахреноу находятся министерства, банки, конторы иностранных компаний и почти все посольства. Здесь же — наиболее богатые магазины.

На правом берегу у подножия горы теснится Старый город с его узкими улочками, глинобитными двухэтажными домами. Здесь всего одна большая улица — Мейванд, но зато она, пожалуй, самая широкая и длинная во всем Кабуле.

В шесть часов начинает звучать музыка. Это чайханщики дают знать, что они открыли свои заведения и приглашают посетителей. Разносится мелодия из фильма «Бродяга», который, кочуя по всем странам, поистине стал всемирным бродягой.

В семь распахиваются двери магазинов. Слышно чтение корана. Это кабульское радио начинает свои передачи. Гулко и надсадно ревет гудок «Машинхане» — старейшего предприятия Кабула, единственного пока механического завода в стране. Из Старого города к воротам спешат рабочие.

Город окончательно проснулся. Все больше появляется велосипедистов. Это служащие министерств и контор. На руле — полочка с портфелем или папкой бумаг. У некоторых на багажнике примостился пассажир: владелец велосипеда заехал за своим приятелем, и они вместе направляются на службу. Центральные улицы запружены потоком велосипедистов. Между ними, как большие жуки, непрерывно гудя, пробираются желто-красные автобусы «ЗИЛ». Часы

Улицы Старого города расширяются. Еще недавно здесь не разъехались бы и две арбы.

пик в любой стране одинаковы, и пассажиров в кабульском автобусе в это время не меньше, чем в московском...

Но вот минует восемь часов, и поток велосипедистов редееет. На улицах появляются «форды», «шевроле», «победы». Это едут руководители учреждений. Над министерствами взвивается государственный флаг Афганистана. Начинается рабочий день.

Когда-то Кабул умещался у подножия двух гор. Но время шло, город разрастался. Теперь он вырвался через ущелье на запад и ушел на многие километры вверх по течению реки. Там расположились особняки состоятельных людей, большая часть факультетов столичного университета, колледж «Гази», учительский институт и некоторые министерства. Там же поднялись и корпуса построенного с помощью Совет-

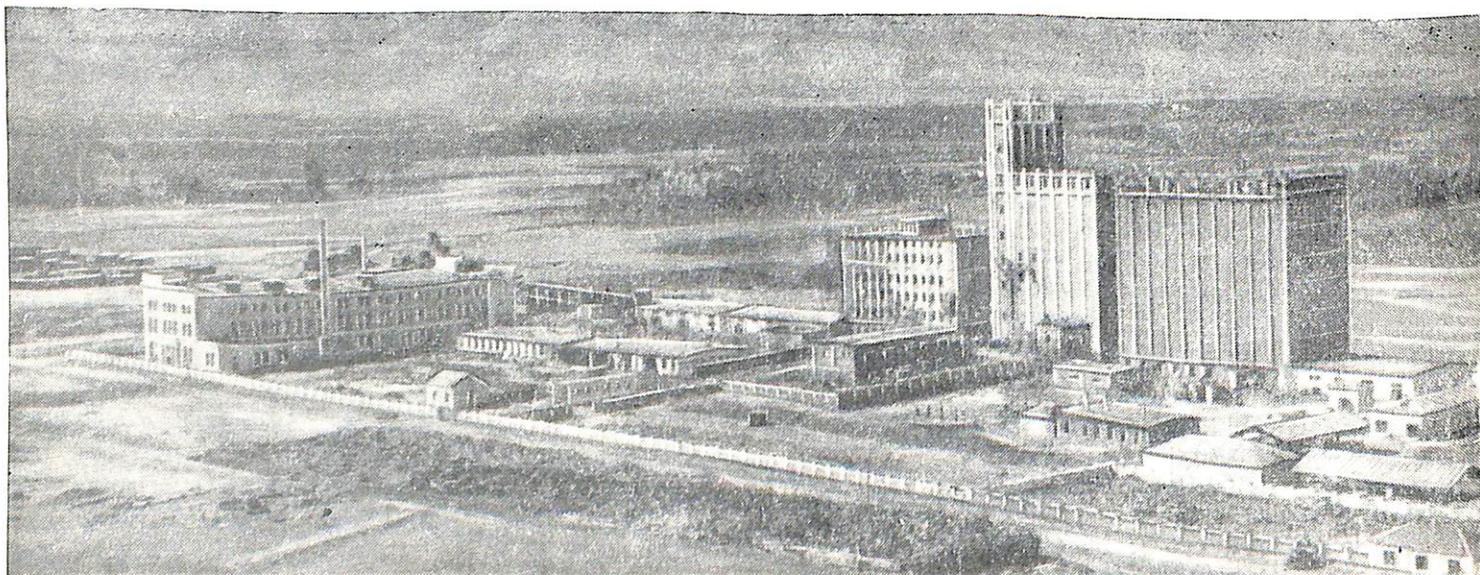
ского Союза крупнейшего предприятия столицы — хлебозавода с элеватором, обеспечивающего жителей города высококачественным хлебом и первосортной мукой.

Тихо днем в Новом городе. Лишь изредка появится на улице американка в короткой юбке или афганская нянька, закутанная до пят в паранджу, проведет белобрысого мальчугана. Проедет машина, и опять тихо. Стены скрыты в зелени. Видны лишь калитки или наглухо закрытые ворота. А за ними своя жизнь.

В Старом городе шум нарастает. «Насуа, насуа!» — надрываются мальчишки, предлагая жевательный табак. «Джальгюза, джальгюза!» — вторят им продавцы орехов. То тут, то там развалы лавок. На распахнутых створках ставен — полки. В глазах рябит от множества ярких банок. Здесь консервы из всех стран мира, бутылки с напитками из Пакистана, сладости из Индии, сигареты — американские «Марвеллс» и «Филлипс моррис», английские «Честерфильд», иранские «Горган» — и обязательно русские спички. Сверху свисают гроздья винограда. Перед купцом на широком прилавке груды яблок, апельсинов, гранат, персиков. В высоких стеклянных банках крошечные лимоны. Они предохраняют от малярии, и их здесь особенно много покупают.

В глубине лавки на стенах цитаты из корана в красочном орнаменте, виды мечетей и святых мест. Иногда вдруг встретишь и репродукцию картины Саврасова «Грачи прилетели» или «Лесные дали» Шишкина. Сам хозяин солидно сидит на корточках в центре, и кажется издали, будто это портрет, вставленный в затейливую рамку.

Покупатели с азартом торгуются. В лавке побогаче на весы ставится конусообразная, напоминающая детскую пирамидку, гиря из медных пластинок. Кто победнее — пользуется выверенными камнями. Трудно догадаться, что означает каждый камень. Но покупа-

Элеватор и хлебозавод, построенные с помощью Советского Союза, обеспечивают афганскую столицу первосортной мукой и высококачественным хлебом.

тель доверчиво смотрит на весы. Продавец будет горячо спорить из-за каждой пулы, однако сторговавшись, он уже не обвесит покупателя.

В конце улочки — дровяные склады. Здесь тоже торгуют на вес. В безлесном Афганистане дрова очень дороги, и покупатель бережно несет домой отвешенную ему охапку.

В часовых магазинах можно купить часы любой марки. Затеяливые, служащие не больше месяца, штампозанные западногерманские; изящные часы-браслеты французских и американских фирм; скромные на вид, добротные и дорогие швейцарские часы. Но мечта каждого кабульского служащего — приобрести советские часы «Победа». Они в два раза дешевле швейцарских, а по качеству не уступают им.

Улица упирается в парапет набережной. По широкому и глубокому ложу реки сейчас лениво бежит тонкий ручеек. Однако река изменчива. Весной, в пору таяния снегов, она превращается в непокорный бурлящий поток, напор которого с трудом сдерживают гранитные берега.

Над рекой разносится дробное хлопанье. Сотни прачек-мужчин заняты стиркой. Намочив белье, они мерными ударами бьют им по гладкому камню. Сушат его тут же, разостлав на траве.

На набережной сооружается новое здание банка. Лента транспортера подает наверх кирпич. Поодаль возводят жилой дом. Юноша ловко забрасывает кирпичи на второй этаж, а стоящий там рабочий ловит и складывает их в кучу.

От реки к площади Пуштунистана проложена новая широкая улица. Старые лачуги уже снесены. Советские машины разравнивают и утрамбовывают асфальт. Человек в русских сапогах что-то показывает рукой и кричит по-русски, нажимая на «о»: «Пошел! Пошел!» Один за другим подъезжают самосвалы оттуда, где в дымном мареве день и ночь грохочет построенный советскими специалистами асфальтовый завод. Его асфальтом уже одеты многие улицы Кабула. Столица быстро благоустраивается.

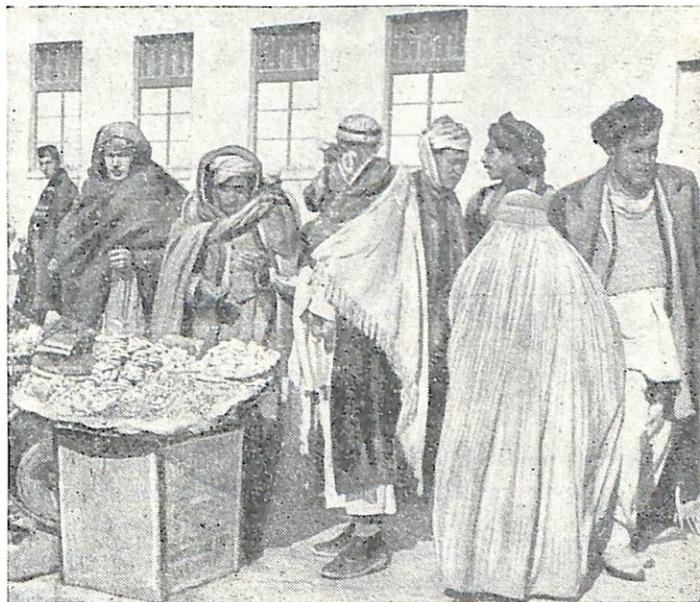
Кипучая жизнь Кабула не по душе кое-кому на Западе. Американский журнал «Лайф», например, пытается убедить афганцев, что благоустройство столицы с помощью советских специалистов — «коммунистическая пропаганда». Но кабульцы довольны тем, что в городе все меньше становится пыли, что в ненастную погоду его улицы уже не превращаются в сплошное месиво. И афганский крестьянин, выехав после утомительного путешествия по горным дорогам на широкое кабульское шоссе, не раз поминает добром русских строителей.

На фоне шумного строящегося города особенно выделяются молчаливые крепостные стены, бегущие по гребню гор, арсенал на холме, башни крепости «Бала Гиссар». Эти некогда грозные сооружения хорошо послужили афганцам в их борьбе с иностранными завоевателями. Трижды врывались сюда британские колонизаторы и трижды уходили несолоно хлеб-

бавши. На крепостных стенах и сейчас видны следы английских снарядов и пуль. Крепость возвышается над городом немой свидетелем свободолюбия и героизма афганского народа, в упорных боях отстаившего свою независимость.

Но что это? Облачко дыма слетело с крепостной стены. В горах раздалось эхо пушечного выстрела. Он слышен в любой части города. Это сигнал, возвещающий, что наступил полдень.

Начинается обеденный перерыв. Министерства и конторы пустеют. Некоторые служащие отправляются домой пообедать и отдохнуть. На улицах появляются мальчишки с огромными блюдами на головах. Они

Бойкая торговля идет на всех улицах Старого города. Продавцы сладостей на набережной.

предлагают вареный картофель, горох, мулли — афганскую редьку. Простой люд располагается прямо на улице. Выбрав тенистое место, афганец вынимает тряпицу с завернутой в нее лепешкой и яблоками и приступает к трапезе.

Самая людная чайная Кабула — на Шахской улице, там, где Старый город встречается с Новым. Она громко именуется рестораном «Счастье». Внизу пьют чай. На второй этаж по крутой деревянной лестнице поднимается, помыв руки, тот, кто хочет съесть плов, заказать шашлык. Играет шумная музыка. Все сосредоточенно едят, запуская пальцы в горку риса, закусывая его лепешкой и запивая прохладной пагманской водой. Затем заказывают чай и долго пьют его, не спеша перебрасываясь словами. Эта чайная — излюбленное место отдыха шоферов, рабочих «Машинхане», мелких лавочников.

Обеденный перерыв окончен. Кабул снова продолжает свой рабочий день.

На тротуаре у длинной стены муниципалитета сидят на низеньких скамеечках писари. Почти каждый

Афганские мальчики на площади у кинотеатра «Памир».

посетитель прибегает к их помощи. За два афгани ему напишут замысловатой арабской вязью любое прошение или письмо.

Напротив — книжные магазины. Здесь особеннолюдно. Книг не предлагают. Покупатель сам роется на полках, и продавец ориентируется в том, что у него есть, немногим лучше, чем покупатель. Большим спросом пользуются Толстой, Тургенев, Горький. Из западных писателей самый популярный — Джек Лондон.

Книжные ларьки пестрят броскими красками западных журналов. Голоногие звезды Голливуда развязно позируют на обложках. Джонни и дики наводят на прохожих восьмизарядные кольты. Рядом с восточными лавками, затейливо и со вкусом украшенными, эти «очаги западной цивилизации» выглядят довольно пошло.

Четыре часа дня. Шумными стайками спешат домой школьники. Студенты университета, аккуратно одетые, в традиционных каракулевых шапочках, расходятся из зданий факультетов, разбросанных по разным концам города. Тихой серо-зеленой вереницей идут ученицы женского колледжа, закутанные в паранджу. Опять усиливается поток велосипедистов. Медленно пробираются через толчею автобусы.

Многие служащие после работы предпочитают воспользоваться гади — открытой легкой двуколкой с

огромными колесами. Предвечерний ветер обдувает лицо. Возница, радуясь тому, что заполучил седока, названивает в висящий под передком колокол. Звонят бубенчики, прикрепленные к сбруе, украшенной лентами и бумажными цветами. Десятки, сотни повозок выезжают на широкую улицу Мейванд. Седок обещает набавить, если возница поедет быстрее. И вот уже выносливые, хотя и неказистые на вид афганские лошадки несутся во весь опор наперегонки. Такси никогда не может доставить такого удовольствия, и не удивительно, что гади до сих пор успешно конкурируют с автомашинами.

Около новостроек собрались группы рабочих. Подрядчики расплачиваются с ними. Получив свои 15 афгани, рабочий отправляется отдыхать.

В пять часов на Шахской улице появляются газетчики в форменных суконных куртках. Они быстро распродают выходящую на персидском языке вечернюю газету «Анис», самую популярную в столице, и «Ислах» — полуофициоз на языке пушту. «Насер разоблачает колонизаторов!», «Еще один завод в Китае!» — выкрикивают они. Газетчики хорошо знают, какие новости привлекут внимание кабульцев.

Начинают закрываться магазины — сначала промтоварные, затем продуктовые. Солнце спускается за гребень гор. Горожане направляются к мечетям. Многие, вымыв в арыке лицо и ноги, поворачиваются лицом к западу и совершают вечерний намаз там, где их застал закат. В это время в городе особенное затишье. Повсюду молчаливые и сосредоточенные фигуры.

К восьми часам улицы пустеют. Закрылась последняя чайхана. Опущены жалюзи на окнах маленького кафе, ловкий хозяин которого, зная вкусы советских специалистов, огромными буквами написал на вывеске по-русски «Мороженое».

До поздней ночи открыты кинотеатры — три мужских и один женский. Самый большой из них — «Памир». В дни премьер посетителей бывает много. Тогда в зал вносят легкие стулья. Если не хватает места, располагаются на полу. Опоздавшие толпятся в дверях. Два с половиной — три часа продолжают индийские фильмы, которые здесь очень любят.

В десять часов закрываются и кинотеатры. Город засыпает. Летняя ночь, теплая и звездная, вступила в свои права. Луна освещает плоские глиняные крыши домов, спящих там на топчанах и тюфяках горожан. Всё отдыхает, набирается сил, чтобы наутро снова включиться в шумную жизнь восточного города.

День прошел. Столица, а вместе с ней и все молодое Афганское государство, готовящееся после окончания осенней страды отметить вступление в 40-й год своего существования, сделали еще один шаг вперед по пути независимости и прогресса.

